

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

С. Зонтаг

АНТРОПОЛОГ КАК ГЕРОЙ

(перевод В.С. Кулагиной-Ярцевой)

Аннотация. В своей статье Сьюзен Зонтаг дает обзор работ Клода Леви-Стросса, подчеркивая его отношение к профессии антрополога как к занятию, связанному «с духовным обязательством, наподобие обязательства художника-творца» или психоаналитика. Самую высокую оценку Сьюзен Зонтаг дает работе «Печальные тропики», называя ее «одной из великих книг нашего столетия».

Леви-Стросс, родившийся в 1908 г., принадлежал кругу Сартра, Бовуар, Мерло-Понти. Разочаровавшись в философии, он стал заниматься антропологией и в 1935 поехал в Сан-Паулу в качестве профессора антропологии. «Печальные тропики», по мнению Сьюзен Зонтаг, это «интеллектуальная биография, образец личной истории». Антрополог профессионально делит мир на «внутри» и «вовне», домашнее и экзотическое, академический городской мир и тропики. Антрополог сознательно использует собственное интеллектуальное отчуждение.

Антропология, по Леви-Строссу, это метод политической неангажированности, профессия антрополога требует глубокой беспристрастности. Антрополог, прежде всего, очевидец, поэтому считать, что его можно обучить чисто теоретически, было бы иллюзией. Леви-Стросс предписывает (в «Структурной антропологии») такую технику анализа и записи мифов, которая позволяет компьютерную обработку. Он применяет строгий формализм к традиционным темам системе кровного родства, тотемизму, соотношению мифа и ритуала и так далее.

Ключевые слова: «Структурная антропология», первобытные общества, «Печальные тропики», дописьменные племена, беспристрастность, полевые исследования, духовное перерождение, строгий формализм, антропологический материал, компьютерная обработка.

Перевод: Sontag S. *The Anthropologist as Hero*. In Claude Lévi-Strauss: *The Anthropologist as Hero*, edited by E. Nelson Hayes and Tanya Hayes, 184–96. Cambridge: M.I.T. Press, 1970.

И вот передо мной замкнутый круг: чем меньше человеческие культуры были способны общаться между собой и терять самобытность от этих контактов, тем меньше эмиссары различных культур были способны почувствовать богатство и значение этого разнообразия. В конечном счете я являюсь пленником альтернативы: или древний путешественник, столкнувшийся с необыкновенным зрелищем, в котором все или почти все от него ускользало — хуже того, вызывало насмешку или отвращение; или современный путешественник, бегущий по следам исчезнувшей реальности. На этих двух картинах я теряю больше, чем кажется: сожалея

о тенях прошлого, не отгораживаюсь ли я от спектакля настоящего, который разыгрывается именно в это мгновение?

(Леви-Стросс К. Печальные тропики¹).

Самая серьезная теория в наше время вынуждена бороться с ощущением бездомности. Ощутимая ненадежность человеческого опыта, вызванная жестоким ускорением процесса исторических перемен, привела к тому, что каждый остро чувствующий современный ум ощущает некую своеобразную дурноту от интеллектуального головокружения. И единственный способ побороть эту духовную тошноту это, возможно, усилить ее, во всяком случае, сначала. Современная мысль дала обет некоему прикладному гегельянству: искать Себя в Другом.

¹ Леви-Стросс К. Печальные тропики / перевод В. Елисеевой, М. Шукина. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 35.

Европа ищет себя в экзотике — в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, среди дописьменных народов, в мифической Америке; утомленная рациональность ищет себя в безличной энергии сексуального экстаза или наркотиков; сознательное ищет свое значение в бессознательном, гуманистически е проблемы стремятся забыться в научной «ценности беспристрастности» и квантификации. «Другой» переживается как грубо очищенное «я». Но в то же время «я» энергично подчиняет себе все неизвестные области опыта. Современное восприятие находится под воздействием двух, на первый взгляд, противоречивых, но в действительности родственных импульсов: обращение к экзотике, к чужому, другому; и приручение экзотики, в основном, посредством науки.

Хотя философы содействовали установлению и пониманию этой интеллектуальной неприкаянности — на мой взгляд, только те современные философы, кто действительно хочет завоевать наш интерес, — это по большей части поэты, романисты, ряд художников, *переживших* этот мучительный духовный импульс в добровольном безумии и в добровольном изгнании, и в непреодолимом движении. Но существуют другие профессии, условия жизни которых созданы для того, чтобы свидетельствовать об этой головокружительной современной приверженности к чужому. Конрад в своем творчестве, Т.Э. Лоренс, Сент-Экзюпери, Монтерлан и другие как в жизни, так и в своих произведениях, представляли свое ремесло искателя приключений как духовное призвание. Тридцать пять лет назад Мальро, избрав профессию археолога, поехал в Азию. И, не так давно, Клод Леви-Стросс изобрел профессию антрополога как некое всепоглощающее занятие, связанное с духовным обязательством наподобие обязательства художника-творца или искателя приключений, или психоаналитика.

В отличие от перечисленных выше писателей, Леви-Стросс не литератор. Большая часть его произведений это научные труды, он всегда был тесно связан с академическим миром. В настоящее время, начиная с 1960 года, он занимает высокий академический пост, возглавляет недавно созданную кафедру социальной антропологии в Коллеж де Франс и руководит большим и очень талантливым исследовательским институтом. Но его высокий академический пост и возможность раздавать привилегии едва ли адекватно отражают исключительную позицию, какую он занимает сейчас во французской интеллектуальной жизни. Во Франции, хорошо ос-

ведомленной о подобных приключениях, о риске, связанном с имеющимися сведениями, человек может оказаться и специалистом, и в то же время объектом всеобщего и специального интереса и дискуссий. Вряд ли проходит месяц, чтобы во Франции не появилась важная статья в каком-нибудь серьезном литературном журнале, или заметная публичная лекция, в которой расхваливают или критикуют идеи в влияние Леви-Стросса. Наряду с неутомимым Сартром и молчаливым Мальро он наиболее интересная интеллектуальная «фигура» сегодняшней Франции.

До сих пор Леви-Стросс едва известен в этой стране. Сборник изданных ранее отдельных эссе относительно методов и понятий антропологии, выпущен в 1958 под названием «Структурная антропология», а его «*Le Totémisme Aujourd'hui*» [«Тотемизм сегодня»] (1962) переведен в прошлом году. Еще не появился другой сборник эссе, более философского характера, под названием «*La Pensée Sauvage*» [«Неприрученная мысль»] (1962); книга, изданная ЮНЕСКО в 1952 под названием «*Race et Histoire*» [«Раса и история»]; и блестящая работа о системах родства первобытных племен, «*Les Structures Élémentaires de la Parenté*» [«Элементарные структуры родства»] (1949)². Некоторые из этих работ предполагают большее знакомство с антропологической литературой и с лингвистическими, социологическими и психологическими понятиями, чем то, каким обладает обычный образованный читатель. Но было бы очень жаль, если работы Леви-Стросса, будучи все переведены, не нашли бы иных читателей, чем специалисты этой страны. Потому что, с точки зрения антропологии, Леви-Стросс создал одну из немногих интересных и возможных интеллектуальных позиций — в самом общем смысле этой фразы. А одна из его книг это шедевр. Я имею в виду несравненные «*Tristes Tropiques*» [«Печальные тропики»], книгу, которая, будучи опубликована во Франции в 1955, стала бестселлером, а когда она была переведена и вышла здесь в 1961, то прошла незамеченной, хотя это просто позор. «*Tristes Tropiques*» — одна из великих книг нашего столетия. В ней есть смелость, тонкость и дерзость мысли. Она прекрасно написана. И, как все великие книги, несет несомненный отпечаток личности, она говорит человеческим голосом.

² В 1965 г. Леви-Стросс опубликовал «*Le Cru et le Cuit*» [«Сырое и приготовленное»] — обширное исследование «мифологий» приготовления пищи у примитивных племен.

По видимости, «*Tristes Tropiques*» это записи, точнее, мемуары, написанные спустя пятнадцать лет после описанных событий, авторского опыта в «поле». Антропологи любят сравнивать полевые исследования с обрядом инициации. Леви-Стросс прошел свой обряд посвящения в Бразилии перед Второй мировой войной. Он родился в 1908 и принадлежал кругу, включавшему в себя Сартра, Бовуар, Мерло-Понти и Поля Низана, он изучал философию в конце двадцатых годов и, как и они, какое-то время преподавал в провинциальном лицее. Разочаровавшись в философии, он вскоре оставил преподавательскую должность и вернулся в Париж изучать право, затем стал заниматься антропологией и в 1935 поехал в Сан-Паулу в качестве профессора антропологии. С 1935 по 1939, во время долгих университетских каникул с ноября до марта, а однажды даже в течение целого года, Леви-Стросс жил среди индейских племен в глубине Бразилии. «*Tristes Tropiques*» содержат записи его встреч с этими племенами — кочевыми намбиква, которые несколько лет назад убили миссионеров, тупи-кавахиб, не видевших до той поры белого человека, прекрасно обеспеченными бороро, чопорными каудивео, которые в огромных количествах создают абстрактные картины и скульптуры. Но величие «*Tristes Tropiques*» лежит не просто в эмоциональном репортаже, а в том, каким образом Леви-Стросс использует свой опыт — чтобы отобразить природу ландшафта, значение физических тягот, город Старого света и Нового, идею путешествия, закат, современность, связь между грамотностью и властью. Ключом к книге является глава шестая, «Как я стал антропологом», в которой Леви-Стросс рассматривает историю собственного выбора как случай уникального духовного риска, которому подвергает себя антрополог. «*Tristes Tropiques*» — это в высшей степени личностная книга. Подобно «Опытам» Монтеня или «Толкованию сновидений» Фрейда, это интеллектуальная автобиография, образец личной истории, содержащая продуманный целостный взгляд на положение человека.

Глубокое понимание и сочувствие, которыми полны «*Tristes Tropiques*», делает другие мемуары относительно жизни среди дописьменных племен неловкими, обороняющимися, провинциальными. Но сочувствие то и дело сменяется с трудом добытой бесстрастностью. В своей биографии Симона де Бовуар вспоминает Леви-Стросса как юного студента философии и учителя, который разъясняет

«беспристрастным тоном и с ничего не выражающим лицом...безрассудство страсти». Не зря «*Tristes Tropiques*» предварены эпитафией из Лукреция «*De Rerum Natura*» [«О природе вещей»]. Цель Леви-Стросса схожа с той, что была у Лукреция, любившего Грецию римлянина, который был убежден, что изучение естественных наук это способ этической психотерапии. Целью Лукреция было не независимое научное знание, а ослабление эмоциональной тревожности. Лукреций видел человека, разрывающегося между сексуальным удовольствием и болью эмоциональных потерь, мучимого суевериями, внушенными религией, преследуемого страхом телесного упадка и смерти. Он рекомендовал научное знание, которое учит разумной беспристрастности, спокойствию. Научное знание для Лукреция обладает психологическим изяществом. Это путь к освобождению.

Леви-Стросс рассматривает человека с лукрецианским пессимизмом и лукрецианским пониманием знания как утешения и неизбежного разочарования. Но для него демон это история, а не тело и не влечения. Прошлое с его таинственными гармоническими структурами разбито и осыпается у нас на глазах, поэтому тропики печальны. Существовало около двадцати тысяч голых, бедных, кочующих, прекрасных индейцев намбиквара в 1915, когда их впервые посетили белые миссионеры, а когда Леви-Стросс прибыл туда в 1938, их оставалось не более двух тысяч, теперь они были жалкими, неприятными, болеющими сифилисом и вымирающими. Остается надежда, что антропология приводит к смягчению тревоги в историческом аспекте. Интересно, что Леви-Стросс вспоминает себя в возрасте семнадцати лет, со страстью изучающего Маркса («Я редко берусь решать социологическую или этнографическую проблему, не освежив мыслей несколькими страницами «18 Брюмера Луи Бонапарта» или «К критике политической экономии», и добавляет, что о многих его студентах было известно, что они бывшие марксисты, решившие принести свою почтительность на алтарь науки о прошлом, поскольку предложить ее будущему было нельзя. Антропология это некрология. «Давайте изучать первобытные племена, — говорит Леви-Стросс и его ученики, — пока они не исчезли».

Удивительно думать об этих бывших марксистах — философах-оптимистах, если такие когда-либо существовали, — поглощенных печальным зрелищем рассыпающегося доисторического прошлого. Они переходили не только от оптимизма к

пессимизму, но и от уверенности к сомнению как методике. Потому что, согласно Леви-Строссу, исследования в поле, «где начинается деятельность каждого этнолога, это мать и нянька сомнения, в сущности, философская позиция». В программе Леви-Стросса для практического антрополога в «Структурной антропологии» картезианский метод сомнения предстает как неизменный агностицизм. Эти «антропологические сомнения» состоят не только в знании, что человек ничего не знает, но в решительном изложении того, что человек знает, включая его собственное незнание, и даже оскорбления или отказ от самых дорогих идей и обыкновений ради других идей и обыкновений, в высшей степени им противоречащих».

Таким образом, быть антропологом значит занять весьма оригинальную позицию *vis-à-vis* по отношению к собственным сомнениям, собственной интеллектуальной неуверенности. Леви-Стросс дает ясно понять, что для него это в высшей степени философская позиция.

В то же время антропология приводит в соответствие ряд различных целей человека. Это одно из редких интеллектуальных занятий, не призывающее принести в жертву собственное мужество. Здесь необходима смелость, любовь к приключениям и физическая выносливость. Антропология также предлагает решение для этого приносящего огорчения побочного продукта разума, отчуждения. Она покоряет эту отдаленную функцию интеллекта, институционализируя ее. Для антрополога мир профессионально поделен на «внутри» и «вовне», домашнее и экзотическое, академический городской мир и тропики. Антрополог это не простой и нейтральный наблюдатель. Это человек, контролирующий и даже сознательно использующий собственное интеллектуальное отчуждение. «Technique de dépaysement» [метод перемены обстановки] — так говорит о своей профессии Леви-Стросс в «Структурной антропологии». Он считает само собой разумеющимися формулы современной научной «независимости от системы ценностей». Он предлагает изысканный, аристократический вариант этой независимости. Антрополог в поле представляет собой подлинную модель сознания двадцатого века: «критик дома» и «конформист в других местах». Леви-Стросс сознает, что это парадоксальное духовное состояние не дает антропологу возможности быть гражданином. Антрополог в отношении собственной страны политически стерилен. Он не может стремиться к власти, он может лишь

обладать критическим инакомыслящим голосом. И Леви-Стросс, хотя в самом общем смысле и в самом французском стиле левый (он подписал известный «Манифест 121», который призывал к гражданскому неповиновению во Франции в качестве протеста против войны в Алжире), по французским стандартам человек аполитичный. Антропология, согласно концепции Леви-Стросса, это метод политической неангажированности; профессия антрополога требует соблюдения глубокой беспристрастности. «Он никогда и нигде не может ощущать себя «дома»: он всегда будет, говоря языком психологии, человеком с ограниченными возможностями».

Разумеется, самые ранние посетители дописанных народов были лишены какой бы то ни было беспристрастности. Изначально работавшими «в поле» в области того, что затем стало называться этнологией, были миссионеры, которые прилагали все силы к тому, чтобы избавить дикаря от его безрассудств и превратить его в цивилизованного христианина. Прикрыть женщинам груди, надеть на мужчин штаны, отправить их всех в воскресную школу, чтобы они бормотали отрывки из Евангелия, — именно это составляло цель армии старых дев с безжалостными глазами и тощих фермерских сыновей с американского Среднего Запада. Затем последовали гуманисты-миряне — справедливые, вежливые, ни во что не вмешивавшиеся наблюдатели, которые пришли не продавать Христа дикарям, а проповедовать «разум», «терпимость» и «культурный плюрализм» буржуазной образованной публике на родине. А на родине многочисленные потребители антропологических данных, наподобие Фрезера и Спенсера, Робертсона Смита и Фрейда, создавали рационалистическое мировоззрение. Но всегда антропологии приходилось бороться с глубоким отвращением по отношению к своему предмету. Ужас перед первобытным (наивно выраженный Фрезером и Леви-Брюлем) сопровождал антропологическое сознание. Леви-Стросс оказывается на самой высокой ступени преодоления этой антипатии. Антрополог в стиле Леви-Стросса это новая порода. Он, в отличие от теперешнего поколения американских антропологов, не просто скромный наблюдатель, собирающий данные. У него также нет топора, чтобы его точить, — ни христианского, ни рационалистского, ни фрейдистского, ни какого другого. В сущности, он занимается спасением собственной души путем пытливого и энергичного акта интеллектуального катарсиса.

Антрополог — и в этом, согласно Леви-Строссу, его основное отличие от социолога, — это очевидец. «Считать, что антрополога можно обучить чисто теоретически было бы иллюзией». (Интересно, почему работа Макса Вебера о древнем иудаизме или конфуцианском Китае допустима, а описание Фрезером ритуалов, связанных с козлом отпущения в племени тагбану на Филиппинах недопустимо.) Почему? Потому что антропология для Леви-Стросса это чрезвычайно личный род интеллектуальной дисциплины, наподобие психоанализа. Время, проведенное в поле, это точное соответствие учебному анализу, которое проходит начинающий психоаналитик. Цель полевой работы, пишет Леви-Стросс, это «произвести ту психологическую революцию, которая отмечает решительный поворот в обучении антрополога». И даже без прохождения письменных тестов, а лишь основываясь на мнениях «опытных профессионалов», которые в свое время прошли такое же тяжелое испытание, можно определить «если и когда» начинающий антрополог «в результате полевой работы прошел эту внутреннюю революцию, которая действительно сделала его другим человеком».

Однако следует подчеркнуть, что эта довольно литературно звучащая концепция призвания антрополога — духовное перерождение, обусловленное систематическим *déracinement* [вырывание с корнем], — в большинстве работ Леви-Стросса дополнена настоятельным требованием самых не литературных методов анализа и исследования. Его значимый очерк о мифе в «Структурной антропологии» предписывает такую технику анализа и записи элементов мифов, которая позволяет компьютерную обработку. Европейский вклад в то, что в Америке называется «социальными науками», оценивается в этой стране чрезвычайно низко из-за недостаточной практической документации, «гуманистической» слабости, из-за скрытого культурного критицизма, из-за отказа принять методы квантования как основной инструмент исследования. Очерки Леви-Стросса, составляющие «Структурную антропологию», разумеется, не подвергаются этой суровой критике. В самом деле, Леви-Стросс далёк от того, чтобы презирать страсть американцев к точному количественному измерению традиционных проблем и не находит это ни усложненным, ни даже достаточно методологически строгим. Частично примыкая к Французской школе (Дюркгейм, Мосс и их последователи), Леви-Стросс в «Структурной антропологии»

щедро воздает должное работе американских антропологов, Лоуи, Боас и Крёбер³. Но он ближе к более авангардным методологиям экономики, неврологии, лингвистики и теории игр. Для Леви-Стросса нет сомнений в том, что антропология должна стать в большей мере наукой, чем гуманистическим учением. Вопрос только в том, каким образом. «Веками, — пишет он, — гуманитарные и социальные науки отказывались рассматривать мир естественных и точных наук, словно видя в них некий рай, в который им никогда не попасть». Но недавно дверь в рай была открыта лингвистами, такими как Роман Jakobson и его школа. Лингвисты теперь знают как переформулировать свои проблемы так, что они могут «применить машину, созданную инженерами, и поставить эксперимент, полностью подобный эксперименту в естественных науках», который скажет им, «стоящая это гипотеза или нет». Лингвисты — как и экономисты и специалисты по теории игр — показали антропологу «способ выйти из затруднительного положения, создавшегося из-за слишком близкого знакомства с конкретными данными».

Таким образом, человек, погрузившийся в экзотику, чтобы подтвердить собственное внутреннее отчуждение городского интеллектуала, в

³ Леви-Стросс рассказывает в «Печальных тропиках», что, хотя он давно был знаком с работами французских антропологов и социологов, именно чтение «Первобытного общества» Лоуи в 1934 или 1935 гг. было причиной его перехода от философии к антропологии. «Так началось мое близкое знакомство с англо-американской антропологией... Я начинал как общепризнанный противник Дюркгейма и враг любой попытки использовать социологию в метафизических целях».

Тем не менее, Леви-Стросс дал ясно понять, что считает себя подлинным наследником традиций Дюркгейма-Мосса, и недавно без всяких сомнений связал свою работу с философскими проблемами, поднятыми Марксом, Фрейдом и Сартром. И на этом уровне методологического анализа, он вполне сознает, чем обязан французским писателям, в частности, имеет в виду “*Essai sur Quelques Formes Primitives de Classification*” (1901–1902) Дюркгейма и Мосса, и “*Essai sur le Don*” (1924). Первое эссе дало Леви-Строссу отправную точку таксономии и «конкретной науки» о первобытных людях в «Неприрученной мысли». Из второго эссе, в котором Мосс выдвигает предположение, что отношения кровного родства, экономического и ритуального обмена и языковые связи, в сущности, явления одного порядка, Леви-Стросс позаимствовал подход, который в полной мере воплощен в “*Les Structures Élémentaires de la Parenté*”. Дюркгейму и Моссу, как он не раз повторял, он обязан определенным проникновением в сущность того, что “*la pensée dite primitive était une pensée quantifiée*” [так называемое первобытное мышление поддается количественному измерению].

результате намеревается покорить свой предмет, переводя его в чисто формальный код. Раздвоение по отношению к экзотическому, первобытному, вовсе не преодолено, но лишь получило новую сложную формулировку. Антрополог как человек должен заниматься спасением своей души. Но он посвящает себя тому, чтобы изложить свой предмет с помощью очень мощного метода формального анализа — Леви-Стросс называет его «структурной» антропологией, — который уничтожает все следы личного опыта исследователя и сглаживает человеческие черты его предмета, данного первобытного общества.

В «Неприрученной мысли» Леви-Стросс называет свою мысль «anecdoticque et géométrique» [анекдотической и геометрической]. Его очерки в «Структурной антропологии» демонстрируют, по большей части, геометрическую сторону его мысли; это применение строгого формализма к традиционным темам — системе кровного родства, тотемизму, ритуалам, связанным с достижением половой зрелости, соотношению мифа и ритуала и так далее. Происходит большая «уборка», и метла, которая убирает все лишнее, это понятие «структуры». Леви-Стросс в большой мере отделяет себя от того, что называет «естественноисторическим» течением в британской антропологии, представленным такими учеными как Малиновский и Рэдклифф-Браун. Британские антропологи были самыми последовательными поборниками «функционального анализа», который интерпретирует разнообразие обычаев как различные стратегии создания универсальных социальных целей. Так, Малиновский полагал, что эмпирические наблюдения отдельно взятого первобытного общества дадут возможность понять «универсальную мотивацию», присущую всем обществам. По мнению Леви-Стросса, это нонсенс. Антропология не может ставить целью понять что-либо, кроме собственного предмета. Нельзя делать никаких выводов из антропологического материала для психологии или социологии, поскольку антропология не в состоянии дать полное знание о тех обществах, которые изучает. Антропология (сравнительное изучение скорее «структур», чем «функций») не может быть не чем иным, кроме как описательной, а не индуктивной наукой; она занимается только формальными отличиями одного общества от другого. Она не интересуется должным образом ни биологической базой, ни психологическим содержанием или социальными функциями норм или обычаев. Таким образом, в то время как

Малиновский и Рэдклифф-Браун утверждают, например, что биологические связи это исток и образец любых родственных связей, «структуралисты», такие как Леви-Стросс, следуя Крёберу и Лоуи, подчеркивают искусственность родственных обычаев. Обсуждать родственные связи следует в пределах понятий, которые допускают математический подход. Короче говоря, Леви-Стросс и структуралисты рассматривают общество как игру, в которую нельзя играть по правилам; различные общества обуславливают различные ходы игроков. Антрополог может рассматривать ритуал или табу просто как набор правил, не уделяя большого внимания «природе партнеров (людей или групп), игра которых построена по этим правилам». Излюбленная метафора Леви-Стросса, она же модель для анализа первобытных обычаев и верований, — это язык. И аналогия между антропологией и лингвистикой это ведущая тема очерков «Структурной антропологии». Все поведение, согласно Леви-Строссу, это язык, словарь и грамматика; антропология ничего не доказывает относительно человеческой природы, кроме того, что сама нуждается в упорядочении. Не существует универсальной истины относительно взаимоотношения, скажем, религии и социальной структуры. Это только модели, показывающие вариативность одной по отношению к другой.

Для широкого читателя, возможно, самым поразительным примером теоретического агностицизма Леви-Стросса окажется его видение мифа. Он рассматривает миф как чисто формальную мыслительную операцию, без какого бы то ни было психологического содержания или необходимой связи с ритуалом. Специфические повествования представлены как логический замысел описания и, возможно, смягчения правил социальной игры, когда те вызывают напряжение или противоречие. Для Леви-Стросса логика мифологической мысли в той же мере строга, что логика современной науки. Единственное различие в том, что она применяется к различным проблемам. В противоположность Мирче Элиаде, своему самому известному оппоненту в теории первобытной религии, Леви-Стросс утверждает, что активность разума архаичного или современного, по сути, одна и та же. Леви-Стросс не видит качественной разницы между научным мышлением современных «исторических» обществ и мифическим мышлением доисторических общин.

Демонический характер, который история и историческое сознание приписывают Леви-Строссу, лучше всего проявился в его блестящей и жестокой

атаке на Сартра в последней главе «Неприрученной мысли». Аргументы Леви-Стросса против Сартра меня не убедили. Но должна заметить, что он, после смерти Мерло-Понти, самый интересный и требующий сосредоточенности критик экзистенциализма и феноменологии Сартра.

Сартр не только своими идеями, но и всей своей восприимчивостью представляет собой полную противоположность Леви-Строссу. Со своим философским и политическим догматизмом, неисчерпаемой изобретательностью и сложностью, Сартр всегда вел себя (часто вел себя плохо) как энтузиаст. Совершенно естественно, что писатель, вызывающий у Сартра самое большое воодушевление, — это Жан Жене, барочный и дидактичный, и дерзкий писатель, чье эго уничтожает любое объективное повествование; чьи герои пребывают в мастурбационном буйстве; мастер игр и хитростей, с богатым, избыточно богатым стилем, избилующим метафорами и причудливыми сравнениями. Но во французском мышлении и восприятии существует другая традиция — культ отчужденности, *l'esprit géométrique* [дух геометрии]. Эта традиция представлена новыми романистами, такими как Натали Саррот, Алан Роб-Грийе и Мишель Бютор, настолько отличными от Жене в своих поисках бесконечной точности, узкой и сухой темы и холодного подробного стиля, а среди кинорежиссеров это Аллен Рене. Формула этой традиции — к которой я отнесла бы Леви-Стросса, так же, как сопоставила Сартра и Жене — это смесь пафоса и холодности.

Подобно формалистам «нового романа» и кино, Леви-Стросс подчеркивает «структуру», его крайний формализм и интеллектуальный агностицизм противопоставлен безмерному, но вполне смягченному пафосу. Иногда в результате появляется шедевр, вроде «Печальных тропиков». В самом названии содержится преуменьшение. Тропики не просто печальны. Они страдают. Ужас насилия, окончательное и бесповоротное разрушение дописанных обществ сегодня идет по всему миру — что является подлинным предметом книги Леви-Стросса — об этом говорится с дистанции пятнадцатилетнего персонального опыта, говорится уверенно о чувствах и фактах, что скорее дает читательским эмоциям больше свободы. Но в остальных книгах ясного и страдающего наблюдателя прибирает к рукам суровая теория.

В том же самом стиле, что Роб-Грие отрекается от традиционного эмпирического содержания романа (психология, социальные наблюдения), Леви-

Стросс применяет методы «структурного анализа» к традиционным материалам эмпирической антропологии. Обычаи, ритуалы, мифы и табу — это язык. Как в языке, где звуки, из которых состоят слова, взятые сами по себе, бессмысленны, так и часть обычая, ритуала или мифа (согласно Леви-Строссу) сами по себе лишены смысла. Анализируя миф об Эдипе, он настаивает, что отдельные части мифа (ребенок-найденный, старик на перекрестке дорог, женитьба на матери, ослепление и т.д.) не значат ничего. И лишь соединенные в общий контекст части начинают обретать смысл — смысл, которым обладает логическая модель. Эта степень интеллектуального агностицизма, действительно, необычайна. И, чтобы опровергнуть ее, необязательно поддерживать фрейдистскую или социологическую интерпретацию элементов мифа.

Однако любая серьезная критика Леви-Стросса должна будет иметь дело с фактом, что, в конечном итоге, его крайний формализм это нравственный выбор и (что более удивительно) картина социального совершенства. Крайне антиисторичный, Леви-Стросс отказывается делать различие между «первобытными» и «историческими» обществами. У первобытных есть своя история; но она нам неизвестна. А историческое сознание (которого у них не было), как он доказывает, полемизируя с Сартром, это не предпочтительный метод работы сознания. Существует только то, что он избилующе называет «горячими» и «холодными» обществами. Горячие общества это современные, ведомые демонами исторического прогресса. Холодные общества это первобытные, статичные, прозрачные, гармоничные. Утопия для Леви-Стросса была бы понижением исторической температуры. В своей речи при вступлении в должность руководителя кафедры социальной антропологии в Коллеж де Франс Леви-Стросс в общих чертах наметил пост-марксистское видение свободы, когда человек будет наконец освобожден от обязанности двигаться вперед и от «древнего проклятия, вынуждающего его поработать людей, чтобы сделать возможным продвижение вперед». Таким образом, *история с этого времени должна будет остаться совсем одна, и общество, оказавшееся вне истории и выше нее, снова сможет принять эту правильную и квазипрозрачную структуру, которая, как наилучшим образом учат нас сохранившиеся первобытные общества, не противоречит гуманности. В этом, по общему мнению, утопическом взгляде социальная антропология найдет свое высшее оправдание, поскольку*

формы жизни и мышления, которые она изучает, больше не будут представлять только исторический и относительный интерес. Они будут соответствовать постоянным возможностям человечества, а миссией социальной антропологии будет постоянное наблюдение, особенно в самые темные часы человечества.

Антрополог, таким образом, не только оплакивает холодный мир первобытных обществ, но и охраняет его. Горюя среди теней, борясь за то, чтобы отличать архаику от псевдоархаики, он воплощает героический, неустанный и сложный современный пессимизм.

[1963]

Список литературы:

1. Lévi-Strauss Claude. Tristes tropiques. Plon, 1955.
2. Lévi-Strauss Claude. La Pensée sauvage. Plon, 1962.
3. Lévi-Strauss Claude. Anthropologie structural. Plon, 1958.

References (transliteration):

1. Lévi-Strauss Claude. Tristes tropiques. Plon, 1955.
2. Lévi-Strauss Claude. La Pensée sauvage. Plon, 1962.
3. Lévi-Strauss Claude. Anthropologie structural. Plon, 1958.